

Джа Лянь прибыл в Янчжоу еще несколько дней назад, но вместо того, чтобы первым делом отправиться в поместье Линь и засвидетельствовать почтение Линь Жухаю и Цзя Минь, он с головой окунулся в жизнь кварталов красных фонарей.

Страсть к женщинам передалась ему от отца, Джа Шэ, и он превзошел родителя в этом пороке.

Дома, в столице, Джа Лянь не разбирал, кто перед ним — лишь бы притащить в свою комнату. Однако из-за Ван Сифэн, этой грозной ревнивицы, ему приходилось соблюдать осторожность, что ужасно его тяготило.

Теперь же, оказавшись в Янчжоу, он решил, что та фурия ему больше не указ, и твердо вознамерился сполна насладиться местными нравами.

Слуга, сопровождавший Джа Ляня, не на шутку встревожился, видя, что господин уже несколько дней предается разгулу, позабыв о делах. Если поручение старой госпожи будет провалено, хозяин отделается парой выговоров, а вот самому слуге не поздоровится.

Слуга принялся увещевать его, едва не срывая голос:

— Второй господин, умоляю, послушайте меня! Сделайте сначала то, зачем приехали, а потом развлекайтесь сколько душе угодно. Если дома узнают, мне же головы не сносить!

Джа Лянь, обнимавший двух красавиц, лишь раздраженно отмахнулся:

— Знаю, знаю, ничего не сорвется. У меня все под контролем. Иди поиграй где-нибудь в другом месте, не мешай мне отдыхать.

Под контролем?

Слуга смотрел, как его господин тонет в неге, и не мог поверить ни единому слову, но поделать ничего не мог — лишь мучился от бессилия.

К счастью, разум Джа Ляня еще не был полностью одурманен похотью, а может, он просто пресытился. Через два дня, без всяких напоминаний со стороны слуги, он сам вспомнил, зачем приехал.

Род Линь из поколения в поколение носил титул маркизов, и хотя к моменту Линь Жухая наследных прав уже не осталось, накопленное за долгие годы состояние было внушительным.

Поместье Линь, хоть и уступало роскошью дому Цзя, отличалось изысканной простотой и древним благородством. Было видно, что здесь не жалели ни сил, ни средств, и Джа Лянь невольно прикинул в уме, что к чему.

На тренировочной площадке брат и сестра увлеченно фехтовали. Джа Лянь хоть и был далек от боевых искусств, но сразу заметил: Линь Чэньюй двигался легко и непринужденно, тогда как старшая Линь Дайюй едва сдерживала натиск.

Он невольно изумился: он-то думал, что в семье книжников не принято заниматься оружием.

Этот маленький кузен был даже младше Баоюя, но владел собой куда лучше. Вспомнив, как Баоюй, когда он уезжал, все еще льнул к старой госпоже, выпрашивая ласки, Джа Лянь не смог сдержать похвалы.

Линь Жухай подозвал детей:

— Это ваш двоюродный брат, второй господин Лянь из дома вашей бабушки.

Линь Чэньюй и Линь Дайюй в один голос произнесли:

— Приветствуем, второй брат Лянь.

Джа Лянь, который издали не разглядел их лиц, теперь, когда они подошли ближе, поразился их красоте.

— Дядюшка, ваши сын и дочь — настоящие драконы среди людей, их ждет великое будущее!

Линь Жухай рассмеялся и, несмотря на положенные по этикету скромные ответы, не смог скрыть сияющей гордости.

Линь Чэньюй и Линь Дайюй держались с удивительным достоинством — их осанка и природный лоск превосходили многих молодых господ из знатных домов, которых доводилось видеть Джа Ляню.

Недаром тетушка в своих письмах постоянно нахваливала детей, подумал он, ведь такие наследники — предел мечтаний любого родителя.

Затем Линь Жухай повел Джа Ляня к Цзя Минь. Увидев племянника, та прослезилась:

— Лянь-эр, как же ты вырос! Подойди ближе, дай тетушке на тебя посмотреть.

Джа Лянь подошел, и Цзя Минь, внимательно разглядев его, вытерла глаза платком:

— Как хорошо... Сколько лет прошло, а ты уже совсем взрослый. Как хорошо.

Мать Джа Ляня умерла, когда он был еще совсем маленьким, и Цзя Минь, жалея сироту, всегда была к нему особенно добра. Она чувствовала к нему даже большую привязанность, чем к Баоюю, которого видела только на портретах.

Джа Лянь вспомнил заботу тетушки в детстве и внезапно ощутил укол стыда: он приехал в Янчжоу и вместо того, чтобы сразу навестить ее, несколько дней пропадал в увеселительных заведениях... Какой позор!

— Тетушка, если бы не ваша забота в детстве, не стал бы я тем, кто я есть сейчас, — Джа Лянь отвесил глубокий поклон.

Мастерски владея языком, он умел сказать именно то, что от него хотели услышать. Вскоре Цзя Минь была тронута до глубины души и принялась расспрашивать его о делах.

Разговорившись, Джа Лянь велел внести несколько огромных сундуков, присланных старой госпожой:

— Бабушка знала, что я еду в Янчжоу, и наказала передать вам эти подарки.

Цзя Минь, у которой уже подрастали двое детей, была глубоко тронута тем, что старая мать по-прежнему так сильно о ней беспокоится:

— Я уехала в Янчжоу вместе с мужем и столько лет не была дома... Я ужасная дочь.

Джа Лянь поспешил ее утешить:

— Тетушка, что вы такое говорите! Бабушка прекрасно понимает, как вам нелегко, она постоянно вспоминает о вас с нежностью, никто вас ни в чем не винит.

Линь Жухай занимал пост инспектора по соли, и груз ответственности, лежавший на его плечах, был огромен. Цзя Минь приходилось не только поддерживать отношения с женами чиновников, но и вести все домашнее хозяйство — ее ежедневный труд был неоценим.

К тому же, хотя они не виделись лично, письма приходили постоянно, а подарки, которые они отправляли в дом Цзя на праздники, были столь щедрыми, что вызывали зависть у многих.

Чего уж скрывать, госпожа Ван каждый раз при виде этих даров мечтала прибрать их к своим рукам. Джа Лянь тоже не отказался бы, но не смел — это была память старой госпожи о дочери, и за попытку присвоить хоть малую часть гнева было не избежать.

После тренировки Линь Дайюй и Линь Чэньюй отправились во внутренние покои.

Служанка Байлу осторожно достала нефритовую подвеску и помогла Линь Чэньюю надеть ее. Линь Дайюй нахмурилась:

— Какая необычная вещь. Когда ты ее получил? Я раньше не видела.

— Друг подарил, — ответил Линь Чэньюй.

— Друг? — Линь Дайюй протянула руку с тонкими, белыми, как луковицы, пальцами. — Сними, дай рассмотреть.

Линь Чэньюй без колебаний снял подвеску и вложил ей в ладонь.

Нефрит был теплым и гладким на ощупь, сразу чувствовалось, что вещь редкая. В центре была искусная сквозная резьба, но Дайюй так и не поняла, что именно там изображено.

Да и сам Линь Чэньюй не знал. Сюаньчжэн, отдавая подвеску, лишь сказал, что носил ее с самого детства и что теперь эта вещь — залог их связи.

Тогда Линь Чэньюй посмеялся над ним, назвав сентиментальным, но после отъезда Сюаньчжэна не расставался с подарком ни на миг, снимая только во время купания или тренировок.

Интересно, как там Сюаньчжэн? Его внезапный отъезд наверняка был связан с серьезными неприятностями в семье. Не грозит ли ему опасность?

Спустя три дня Джа Лянь покинул Янчжоу. Линь Чэньюй вместе с отцом провожал его на пристани. Глядя на удаляющийся корабль, он спросил:

— Отец, если плыть без остановок, сколько времени займет путь?

— Около месяца, — ответил Линь Жухай.

Линь Чэньюй задумчиво посмотрел вдаль: значит, Сюаньчжэн все еще в дороге.

Вечером, после ужина, Цзя Минь сказала:

— Скоро я возьму вас обоих и мы отправимся в столицу.